

Московский договор СССР – ФРГ и «Письмо о германском единстве». От конфликта к компромиссу

А.М. Филитов

Институт всеобщей истории Российской академии наук

В статье рассмотрены ход и результаты советско-западногерманских переговоров, которые привели к заключению Московского договора от 12 августа 1970 г., ставшего важным фактором разрядки международной напряжённости на европейском континенте. Особое внимание уделено проблеме генезиса так называемого «Письма о германском единстве», на принятии которого советской стороной упорно настаивали представители ФРГ. В статье раскрывается гибкая тактика советской делегации, которую возглавлял министр иностранных дел СССР А.А. Громыко: учитывая, в частности, позицию ГДР, дипломаты выступали против включения в текст договора каких-либо положений, касающихся объединения Германии, однако при этом оставляли открытой перспективу такого объединения в будущем. Определённый реализм и готовность к компромиссу проявили и западногерманские переговорщики, среди которых особая заслуга принадлежит личному эмиссару канцлера Брандта Э. Бару. На основе этих компромиссов была выработана общая позиция сторон по заключению и последующей ратификации Московского договора. В статье должное внимание уделено «фактору США» в советско-западногерманских отношениях. Формально декларируя положительное отношение к «новой восточной политике» ФРГ, на деле американская сторона пыталась её всячески скомпрометировать и осложнить процесс подготовки Московского договора. Отмечена также некоторая непоследовательность дипломатии ФРГ в отходе от прежних политических догм, в первую очередь от претензий на единоличное представительство всех немцев.

Главный вывод статьи заключается в том, что результате сложного и порой конфликтного советско-западногерманского переговорного процесса его участникам удалось преодолеть реальное противоречие между принципом нерушимости границ и правом на национальное самоопределение. В нынешней международной ситуации, когда это противоречие сторонниками конфронтации искусственно обостряется, опыт, накопленный при выработке и согласовании положений Московского договора, имеет актуальное практическое значение. Работа написана на основе ранее не вводившихся в научный оборот первоисточников из Архива внешней политики Российской Федерации, а также опубликованных западногерманских документов.

Ключевые слова: Московский договор, Письмо о германском единстве, московская миссия Бара, А.А. Громыко, В. Брандт, В. Шеель.

УДК 327.82

Поступила в редакцию: 15.11.2019 г.

Принята к публикации: 10.12.2019 г.

Специальных исследований по истории Московского договора до настоящего времени не имеется. Определённые аспекты данной проблематики нашли отражение в работах Н.В. Павлова (Павлов 2006), И.Ф. Максимычева (Максимычев 2014) и А.М. Филитова (Филитов 2015; 2017а; 2017б). В зарубежной литературе одну из первых сбалансированных оценок взаимодействия ФРГ и СССР в период разрядки представил М. Ушнер (Uschner 1991). В разной степени феномен Московского договора раскрыт в монографиях Й. фон Данненберга (Dannenberg 2008), Шт. Кройцбергера (Creuzberger 2009), В.-Д. Липперта (Lippert 2011), Г. Нидхардта (Niedhardt 2014), сборнике трудов под редакцией К. Финк (Fink, Schaefer 2009). Единственной в зарубежной историографии работой о происхождении Московского договора с использованием российских первоисточников остается статья В. Линка (Link 2001). Что касается автора этих строк, данная статья продолжает серию его работ, опубликованных ранее – в российско-германском учебном пособии, а также в российских научных журналах.

12 августа 1970 г. в Екатерининском зале Кремля председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин и канцлер ФРГ В. Брандт в торжественной обстановке подписали межгосударственный договор, который стал существенным вкладом в процесс разрядки международной напряжённости в Европе. Этому акту предшествовали довольно длительные (с 8 декабря 1969 г.) переговоры, носившие поначалу весьма конфронтационный характер. Исходные позиции сторон, казалось, не оставляли почвы для компромисса. Утверждённые Политбюро ЦК КПСС директивы для советской делегации, которую возглавил министр иностранных дел А.А. Громыко, определяли в качестве центрального «вопрос о признании ФРГ существующих в Европе границ, включая границу между ГДР и ФРГ и границу по Одере-Нейсе». В тексте директив подчёркивалось: «Если ФРГ будет пытаться поднимать в той или иной форме вопрос о воссоединении двух германских государств, решительно отклонять такую постановку вопроса, как не имеющую отношения к предмету переговоров»¹. Что касается западногерманской стороны, то, судя по содержанию высказываний её переговорщиков (вначале это был посол ФРГ в Москве Г. Аллардт, а с 30 января 1970 г. личный эмиссар канцлера В. Брандта Эгон Бар), их позиция была прямо противоположной. Вопрос о границах жёстко увязывался с почти ультимативным требованием к советской стороне согласиться на включение в планируемый документ ряда положений, не соответствовавших сложившимся на тот момент европейским реалиям. Наиболее упорно при этом представители ФРГ пытались втянуть советских партнёров в обсуждение той самой проблемы воссоединения, которую по сути следовало решать не с Советским Союзом, а с правительством другого германского государства – Германской Демократической Республики (кстати сказать, определение конкретных условий восстановления германского

¹ АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 14, П. 54, Д. 10. Л. 26-30.

единства, ставшего фактом двадцать лет спустя, стало результатом именно договорённости между самими немцами; роль четырёх держав заключалась лишь в определении международного статуса объединённой Германии, создании гарантий, чтобы она вновь не стала угрозой для дела мира и безопасности). На протяжении нескольких заседаний шла бесплодная полемика, в ходе которой представители ФРГ пытались подкрепить свою точку зрения различными аргументами, которые, в свою очередь, встречали не менее аргументированную критическую реакцию с советской стороны.

Попытку найти взаимоприемлемую развязку Бар предпринял на заседании, состоявшемся 17 февраля 1970 г. В советской записи беседы зафиксирован его комплимент по поводу политики СССР в германском вопросе (по его словам, с конца Второй мировой войны она «была направлена на достижение единства Германии»²) и следующее заявление: «Когда с советской стороны говорится, что вопрос об объединении Германии не имеет отношения к соглашению о неприменении силы, то в этом, признал Бар, есть известная логика. Но он просил бы ещё раз обдумать, не могли бы стороны найти соответствующую формулу, которая в той или иной степени затрагивала вопрос об объединении. Возможно, это положение содержалось бы не в самом соглашении о неприменении силы, а, скажем, соответствующих письмах, которыми могли бы обменяться стороны, или по данному вопросу была бы достигнута устная договорённость. Подобная договорённость вносила бы необходимую ясность в данный вопрос и позволяла бы сторонам проводить политику в соответствии со своими целями в вопросах объединения Германии, не навлекая на себя упрёка, что они действуют в нарушение соглашения о неприменении силы. Бар выразил убеждение, что это, как ему кажется, не такая сложная проблема, чтобы её нельзя было решить»³.

На самом деле, проблема оказалась достаточно сложной, однако решить её в конце концов удалось, что сделало возможным и заключение Московского договора 12 августа 1970 г. и его вступление в силу в июне 1972 г. Решение её отличалось от тех формул, которые были предложены Баром в беседе с Громько 17 февраля 1970 г. Не было ни «обмена письмами», ни «устной договорённости», имела место лишь передача советской стороне одностороннего заявления со стороны ФРГ с изложением её позиции по национальному вопросу. Речь идёт

² Интересно сравнить советскую и западногерманскую записи беседы того же Бара с советским дипломатом В.М. Фалиным 14 марта 1970 г., когда речь зашла вновь об истории обсуждения германского вопроса. Согласно советской записи, Бар заявил: «Начиная с 1945 года, СССР, в противоположность некоторым другим державам, всегда официально выступал как сторонник германского единства». Сам Бар записал своё высказывание по-иному: «Трудно понять, почему Советский Союз не может в какой-то форме вновь выразить подтверждение своей прежней политики в отношении Германии». Ср.: АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 15, П. 56, Д. 5. Л. 6; Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1970. Bd.1. München. 2001. Dok. 120. S. 482 (далее –AzAP). В последнем случае комплиментарный мотив в отношении СССР приглушён, а критический – в отношении «некоторых» (читай – западных) держав – отсутствует вовсе. Искушённый западногерманский политик, очевидно, решил подстраховаться от обвинений в наличии «просоветских» и «антизападных» настроений, не без основания полагая, что материалы переговоров могут «утечь» в СМИ – как это и случилось на самом деле.

³ АВП РФ, Ф. 0757, Оп. 15, П. 56, Д. 3. Л. 87.

о «Письме о германском единстве», международно-правовое качество которого долгое время было предметом жёсткой полемики дипломатов, политиков, юристов-международников и, разумеется, историков. Упомянутое выше высказывание Бара стало отправным пунктом в генезисе этого документа.

Судя по советской записи беседы, Громыко никак не отреагировал на инициативу Бара. Однако, это не означало, что он не оценил её новизны и содержащейся в ней возможности для взаимоприемлемого компромисса. Отношение к ней он достаточно внятно сформулировал в ходе своей беседы с руководителями СЕПГ/ГДР, состоявшейся 24 февраля 1970 г.: «...министр иностранных дел изложил подход советской стороны к вопросам о германском мирном договоре и объединении Германии в связи с настойчивыми попытками Бара включить их в рамки возможной советско-западногерманской договорённости. Общее впечатление таково, что в ФРГ понимают невозможность провести свои взгляды по этим вопросам и изыскивают способы как-то отметить и спасти лицо. Поэтому в последней беседе Бар высказывался за то, чтобы упомянуть объединение вне контекста соглашения, в каком-либо «устном протоколе», т.е. в необязывающей для Советского Союза форме»⁴. В немецкой записи этой беседы позитивная оценка высказываний Бара выглядит ещё более акцентированно: «Следует признать, что это определённое крупное отступление от их первоначальной позиции – идея, что мы должны устно договориться о том, что каждая сторона может остаться при своём мнении. Это практически отказ от требования зафиксировать это письменно в соглашении»⁵.

Ни советская, ни немецкая записи беседы не фиксируют какой-либо прямой реакции на инициативу Бара в том виде, как её изложил Громыко, со стороны представителей ГДР. Однако, косвенным ответом на неё можно считать следующую реплику главы немецкой делегации В. Ульбрихта: «Около месяца в печати ГДР не употребляется выражение “два” или “оба” германских государства, так как это возбуждает иллюзии относительно единства нации и внутригерманских отношений. Мы говорим теперь только “отношения между ГДР и ФРГ”, “переговоры между суверенной ГДР и суверенной ФРГ”»⁶. Ещё ранее в ходе беседы он назвал «фантастикой» идею «единой национальной крыши» (*Phantasiedach der Nation*)⁷. Звучало это весьма странно, особенно в свете того, что ещё в октябре 1969 г. на заседании Политбюро ЦК СЕПГ Ульбрихт говорил о том, что «ныне существуют два государства немецкой нации»⁸, а в декабре 1969 г. на совещании руководителей государств-членов Варшавского договора делегация ГДР представила проект договора с ФРГ, в преамбуле которого фигурировала

⁴ АВП РФ, Ф. 0742. Оп. 15. П. 93. Д. 4. Л. 31.

⁵ Dokumente zur Deutschlandpolitik. VI. Reihe/Bd 1. 21. Oktober 1969 bis 31. Dezember 1970. Bearb. von Daniel Hoffman. München. 2002. Dok. 86. S. 300. Далее DzD.

⁶ АВП РФ, Ф. 0742. Оп. 15. П. 93. Д. 4. Л. 38.

⁷ Это высказывание Ульбрихта отсутствует в советской записи беседы. Оно представлено только в записи немецкой стороны. См.: DzD. Dok. 86. S. 309.

⁸ DzD. Dok. 10. S. 29.

всё та же формула о «двух германских государствах немецкой нации» (Филитов 2017: 84-86). Под давлением других делегаций (прежде всего, польской) проект подвергся коренной ревизии, и упомянутая формула была снята. Почему спустя немногим более месяца руководство ГДР пошло ещё дальше в отрицании всякой общности с другим германским государством — об этом можно только гадать. Как бы то ни было, советской стороне приходилось учитывать этот факт, что явно суживало её опции в переговорах с Баром. В данном случае, очевидно, что руководство ГДР дало понять: для него неприемлемо упоминание проблемы воссоединения и единства Германии в любом советско-западногерманском документе, в любом смысле и в любом виде – письменном или устном.

Такого рода «вето» со стороны ГДР могло завести советско-западногерманские переговоры в полный тупик, если бы не новая инициатива Бара. На заседании 10 марта эмиссар канцлера, согласно советской записи беседы, «замечил, что он понимает неприемлемость для советской стороны предложения о какой-либо ссылке на объединение в соглашении между СССР и ФРГ. Однако при конкретном упоминании границ вопрос о единстве всё же возникает. Может быть, спросил он, для советской стороны будет приемлем обмен какими-то письмами в связи с вопросом объединения *или западногерманская сторона в одностороннем порядке направит письмо, в котором говорилось бы о том, что соглашение о неприменении силы не будет препятствовать мирным устремлениям к созданию единой демократической Германии. Это письмо не являлось бы частью соглашения. Оно было бы поясняющим заявлением одной стороны, которое другая сторона не должна была ни подтверждать, ни отвергать, даже не подтверждать его получение. Данное письмо могло бы и не публиковаться, но давало бы возможность в случае необходимости заверить общественное мнение, что обязательства ФРГ, взятые ей по соглашению с СССР, не противоречат положениям по вопросу объединения, зафиксированным в конституции ФРГ, да и в конституции ГДР*» (курсив наш – А.Ф.)⁹.

Это была, конечно, существенная уступка со стороны ФРГ, ещё большее «отступление от первоначальной позиции», чем то, о котором говорил Громыко в беседе с руководством ГДР 24 января. Ответ Громыко, данный на следующем заседании – 13 марта, звучал, однако, обескураживающе: «Для советской стороны неприемлемо, чтобы к соглашению между СССР и ФРГ по вопросу о неприменении силы прилагались дополнительные документы, которые могли бы вызвать потребность в новых документах, что создавало бы ненужные осложнения. Не успели бы высохнуть чернила, как началось бы толкование этих дополнительных актов и документов. Ведь советская сторона не предлагает направлять ФРГ какие-либо письма. Самым лучшим, на наш взгляд, был бы отказ от того, чтобы как-то фиксировать свои взгляды относительно будущего ФРГ и ГДР и целей их политики»¹⁰.

⁹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 107.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 114-115.

Чем объяснялась негативная реакция Громько на новую инициативу Бара, контрастировавшая с более позитивной (хотя и заочной) реакцией на предыдущую, хотя эта новая ещё менее связывала советскую сторону? Имеющиеся документы на этот вопрос не отвечают, и речь может идти лишь о предположениях. Идея одностороннего западногерманского документа, о котором бы никто не знал, кроме двух договаривающихся сторон (что-то вроде «*non-rarum*», говоря языком дипломатии), вполне могла импонировать советским представителям, но как сочеталось «обещание» не публиковать данное «письмо» с тем объяснением, что оно нужно правительству ФРГ для влияния на общественное мнение в стране? Как же оно могло повлиять на таковое, если бы осталось скрытым от общественности? В ходе беседы 13 марта Бар даже усилил идею секретности, заявив: «западногерманская сторона не считает, что в случае направления ею письма могут возникнуть какие-либо недоразумения и полемика», поскольку «мы не собираемся публиковать его. Мы его подшили бы в дело»¹¹. В искренности этих заверений с полным основанием можно было усомниться, а это порождало недоверие ко всей данной инициативе Бара.

При всём том, думается, советская сторона недооценила содержавшегося в ней позитивного потенциала и упустила время для оптимального решения вопроса о договоре. Только на заседании 12 мая, открывшем третий и последний тур переговоров Бар – Громько, последний отступил от её однозначно негативной оценки, заявив: «Вопрос о письме можно было бы ещё раз обдумать, если бы были найдены более определённые и чёткие формулировки относительно границ, если основной, территориальный вопрос получит своё должное отражение»¹². Уступка с советской стороны явно запоздала: «формулировки относительно границ» со стороны Бара стали действительно «более определёнными и чёткими», но совсем не в том смысле, которые имел в виду Громько. Если ранее Бар порой употреблял в данном контексте слово «признание», то теперь дошёл до заявлений, что ФРГ юридически вообще не признает никаких границ, включая и западные. О причинах такого ужесточения позиции ФРГ документы опять-таки умалчивают, и опять-таки возможный ответ может быть лишь в плане предположений. Сам Бар сослался на позицию Польши, которая, как он заявил, «не была бы довольна, если бы в соглашении ФРГ с Советским Союзом содержалось конкретное упоминание о границе по линии Одер-Нейсе»¹³. Более релевантна была его ссылка на позицию западных держав. Союзники по НАТО и особенно США с большим подозрением относились к «новой восточной политике» социал-либеральной коалиции, и это оказывало своё влияние. Вот что пишет по этому поводу автор, явно симпатизирующий политике Брандта – Бара: «В США царило большое возбуждение. Быстрый темп переговоров

¹¹ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 117.

¹² АВП РФ. Ф. 0742. Оп. 15. П. 56. Д. 3. Л. 133.

¹³ АВП РФ. Ф. 0742. Оп.15. П. 56. Д. 3. Л. 136.

в Москве и их содержательный аспект наблюдали там с явным неудовольствием... Никсон и Киссинджер желали держать все нити процесса будущего урегулирования отношений Запад – Восток в своих руках и жёстко контролировать возможные тенденции немцев к нейтрализму. Поэтому они использовали свои давно налаженные контакты с немецкими консерваторами, организовав масштабный манёвр с целью помешать (переговорам). В мае 1970 г. из сейфов боннского МИДа внезапно исчезли материалы московских переговоров. Газете «Бильд-Цейтунг» и другим органам печати были подброшены эти «тайные бумаги Бара», что вызвало бурю возмущения. Согласно высказыванию бывшего политика СвДП Менде, за всем этим стояли американцы» (Uschner 1991: 85). Возможно, если бы советская сторона до визита Брандта в США (он состоялся 10-11 апреля 1970 г.) приняла в принципе идею Бара о «письме» в увязке с признанием границ, то это признание, вероятно, обрело бы более твёрдые очертания.

Ещё более ужесточилась линия поведения делегации ФРГ, когда её возглавил прибывший в Москву министр иностранных дел В. Шеель. В ответ на вновь поднятый последним вопрос об объединении, А.А. Громыко заявил (на заседании 29 июля 1970 г.): «Позиция советской стороны правительству ФРГ излагалась много раз. Конечно, было бы правильнее вообще не касаться этого вопроса ни прямо, ни косвенно. Мы долго колебались в связи с этим вопросом, и вначале у нас не было намерения принимать предложение западногерманской стороны – направить нам одностороннее письмо, о чём было сказано г-ну Бару. Затем мы этот вопрос как бы подвесили, чтобы посмотреть, насколько серьёзными будут намерения западногерманской стороны по всем обсуждавшимся проблемам. И когда стало ясно, что намечается какой-то баланс в учёте интересов, мы пришли к выводу, что если со стороны ФРГ будет предпринято направление письма в одностороннем порядке, то это дело западногерманской стороны» («мы закрыем на это глаза» – согласно немецкой записи этой беседы¹⁴).

Шеель эту уступку советской стороны явно не оценил и попытался ревизовать уже достигнутую договорённость по пограничному вопросу. Согласно советской записи беседы, он «сослался на конституцию ФРГ и обязательства по известным международным соглашениям, которые, по его словам, не обеспечивают неограниченной гибкости ФРГ в вопросе о границах. ... ФРГ не может и не хотела бы исключить возможности изменения границ в Европе по согласию и даже их исчезновения. ... Мы настаиваем на этом, иначе мы не были бы искренними, ибо проводимая ФРГ политика интеграции Европы направлена на исчезновение границ. ... ФРГ не имеет намерений ставить под вопрос какие-либо границы в Европе... Но мы также не можем и не хотели бы исключать возможности того, что в один прекрасный день граница между ФРГ и ГДР по договорённости сторон исчезнет».

¹⁴ См. AzAP. 1970. Bd. 2. Dok. 340. S. 1277.

Увязка вопроса о границах с вопросом о перспективах европейской интеграции звучала, конечно, крайне искусственно¹⁵, и в своём ответе Громыко на неё даже не отреагировал. Зато по вопросу о возможном изменении границ он озвучил весьма гибкую позицию: «в Федеративной Республике ... раздаются голоса, а что, дескать, будет, если ГДР и ФРГ договорятся об объединении. Это — не вопрос договора, который мы собираемся заключить, и обсуждать это бесполезно. В практике международных отношений есть немало примеров, когда государства договариваются даже об изменении границ, об их корректировке, допустим по причине необходимости их лучшей охраны. Разумеется, никто не может запретить этого, если они поступают так по согласию, добровольно... По договорённости государства могут принимать решения относительно границ или установления даже одной общей границы. Так было, например, с ОАР и Сирией, когда они объединились и одно государство. Но это вопросы другого порядка»¹⁶.

Приводя пример с объединением двух ближневосточных государств, А.А. Громыко, конечно, не имел в виду, что аналогичным образом будут развиваться отношения между ФРГ и ГДР (кстати, к моменту московских переговоров государственное объединение Египта и Сирии фактически перестало существовать, оставалось только название – Объединённая Арабская Республика, а вскоре исчезло и оно). Однако, главное было в том, что советская сторона лишь раз подтвердила, что она в принципе не будет возражать против объединения, коль скоро такой вопрос станет актуальным. Для Шееля это, по-видимому, оказалось достаточным, и он прекратил свои попытки дальнейшего нажима на советскую сторону.

5 августа 1970 г. А.А. Громыко направил в ЦК КПСС – высший орган принятия политических решений в СССР – на утверждение согласованные с западно-германской стороной тексты договора между СССР и ФРГ и «Договорённости о намерениях сторон». В пакете документов фигурировал и перевод «Письма о немецком единстве» с характерным заголовком: «Текст одностороннего письма западногерманской стороны, которое не будет требовать ответа или даже подтверждения факта его получения с нашей стороны»¹⁷.

На следующий день, 6 августа, ЦК КПСС утвердил представленный МИДом проект, 7 августа тексты согласованных документов были парафированы министрами обеих стран, а 12 августа состоялось их подписание главами правительств.

В период от подписания Московского договора до его ратификации бундестагом ФРГ в мае 1972 г. шла острая борьба между сторонниками и противниками разрядки. Среди аргументов, которые выдвигались последними,

¹⁵ В немецкой записи беседы соответствующая фраза Шееля отсутствует. См.: AzAP. 1970. Bd. 2. Dok. 340. S. 1278.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 56. Д. 4. Лл. 38-39.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 15. П. 58. Д. 15. Лл. 3-5.

были и те, что касались германской национальной проблемы. Утверждалось, в частности, что неупоминание её в тексте договора свидетельствует не только о желании СССР увековечить раскол Германии, но и о готовности социал-либеральной коалиции смириться с этим расколом, совершая таким образом акт национальной измены. С другой стороны, некоторые представители правительства ФРГ по-своему трактовали достигнутый компромисс, представляя дело так, что договор не внёс ничего нового в германский вопрос, и оно вправе продолжать прежний курс на единоличное представительство всех немцев и на изоляцию ГДР.

Что касается последней позиции, она была также далеко не последовательной. В официальном заявлении Совета министров ГДР Московский договор, разумеется, получил самую высокую оценку, но в нём исподволь фигурировала якобы логически вытекающая из него идея «два государства — два народа»¹⁸; с другой стороны, в закрытых аналитических документах проводилась мысль, что СССР не только принял к сведению «Письмо о германском единстве», но и по существу солидаризировался с ним¹⁹. Такой сложный расклад идейно-политических «фронтов» предъявлял крайне высокие требования к советской дипломатии. С этой задачей она справилась, проявляя разумное сочетание принципиальной твёрдости и необходимой гибкости. Эти качества, в частности, ярко проявились в состоявшейся 13 декабря 1971 г. беседе с прибывшим с визитом в СССР руководителем оппозиционного блока ХДС/ХСС Р. Барцелем, которую провёл глава советской дипломатии А.А. Громыко. Приведём несколько его высказываний из советской записи беседы: «Г-н Барцель затронул здесь вопрос об объединении и интересовался, почему письмо федерального правительства по этому вопросу не стало составной частью договора между СССР и ФРГ. Наш ответ на этот вопрос прост. Если бы стоял вопрос о включении этого письма в договор или любого положения об объединении, то не было бы договора. Это осознали обе стороны... У нас нет ни одного официального документа, где бы говорилось, что надежды на мирное объединение или выражение мнения на этот счет будут истолковываться как агрессия в смысле Устава ООН. Другое дело, если кто-либо вынашивал бы планы поглощения ГДР, нарушения её границ. На этот счёт мы делали всякие предупреждения... Что же касается объединения, то эта тема, как уже говорилось, вовсе не затронута договором. Мы полагаем, что вы должны были бы оценить уже тот факт, что мы ни в ходе переговоров, ни в связи с подписания договора не настаивали на фиксации в нём в негативном аспекте этой темы»²⁰.

Позиция СССР в отношении немецкой национальной проблемы была таким образом изложена с предельной ясностью: нет никакого запрета ни на её

¹⁸ Neues Deutschland. 15. August 1970.

¹⁹ DzD. VI. Reihe/Bd 1. Dok. 86. S. 309.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 16. П. 60. Д. 3. Лл. 48-51.

обсуждение, ни на её возможное позитивное решение, недопустимы лишь попытки монопольного определения его условий одной стороной при игнорировании другой. Между тем даже после заключения Московского договора в деятельности официальных представителей ФРГ продолжала проявляться претензия на единоличное представительство всех немцев²¹, так что отметить недопустимость такого подхода было далеко не лишним. Это принесло свои плоды: посол ФРГ в СССР удостоился достаточно резкой оценки со стороны своего министра²² и был вскоре отозван, а спекуляции в связи с пресловутым «письмом» постепенно сошли на нет.

Впрочем, противники разрядки не сдавались, и последняя «битва» по поводу этого документа разыгралась уже после ратификации Московского договора, когда встал вопрос об обмене ратификационными грамотами – последнем завершающим актом перед вступлением договора в силу. Как выяснилось, западногерманская сторона намеревалась приложить текст всё того же «письма» к своей ратификационной грамоте, которая должна была быть вручена советскому послу. Получив от последнего эту информацию, министр выступил с экстренным обращением в ЦК КПСС: «необходимо настаивать на снятии этой ссылки, поскольку речь идёт об одностороннем документе западногерманской стороны». Поскольку в МИД ФРГ настаивали на своём плане, Громыко выступил с предложением обратиться по этому поводу лично к канцлеру В. Брандту, указав, что в случае игнорирования советского пожелания будут поставлены под вопрос не только обмен ратификационными грамотами, но и подписание заключительного протокола четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину, в чем особенно была заинтересована немецкая сторона. Далее события разворачивались следующим образом: «После нашего обращения к В. Брандту западногерманская сторона сообщила, что она готова ограничиться в ратификационной грамоте лишь ссылкой на закон ФРГ о ратификации договора и не будет упоминать в ней письма В. Шееля. При таком варианте правительство ФРГ ожидает, что совпосол устно заявит о том, что ратификационный закон ФРГ известен Советской стороне. Учитывая, что в ратификационном законе бундестага кроме самого договора между СССР и ФРГ одобряется также письмо Шееля и обмен нотами между ФРГ и тремя западными державами по вопросам мирного урегулирования и прав четырёх держав, нам необходимо обезопасить себя от такой трактовки, будто советская сторона косвенно одобряет акты и документы ФРГ, к которым Советский Союз не имеет отношения. Эта задача может быть решена внесением в текст советской ратификационной грамоты следующего

²¹ В ходе беседы со статс-секретарём МИД ФРГ Франком 28 февраля 1972 г. советский посол в Бонне В.М. Фалин привёл многочисленные факты такого рода, включая практику посольства ФРГ в СССР рассылать письма в советские учреждения от лица «Германского посольства» и даже отвечать «Германское посольство слушает...» на телефонные звонки. См. См.AzAP. 1972. Bd. 1. Dok. 44. S. 199-209.

²² По поводу одной из депеш этого дипломата Шеель отозвался весьма недипломатичным образом. См.: См.AzAP. 1972. Bd. 1. Dok. 67. S. 306-307.

дополнительного положения: «Никакой упоминаемый в ратификационной грамоте другой стороны или прилагаемый к этой грамоте документ в той части, в какой он имеет односторонний характер и к которой Советский Союз непричастен, не меняет объёма прав и обязательств сторон по договору и не имеет обязывающей силы для Союза Советских Социалистических Республик». В качестве крайней запасной позиции предусмотреть следующее: советскую грамоту передать в обычной форме без указанного дополнения. Однако при обмене ратификационными грамотами совпосол сделает официальное заявление, по своему содержанию аналогичное этому дополнению, а также отметит, что ратификационный закон известен советской стороне».

Эта сложная процедура (подкреплённая, кстати, ссылкой на имевшийся прецедент) не понадобилась: в итоге конфликт был урегулирован благодаря тому, как отмечал А.А. Громыко, что «западногерманская сторона пошла навстречу нам относительно содержания своей ратификационной грамоты Договора... В новом варианте западногерманской ратификационной грамоты не содержится ссылок на письмо В. Шееля и другие односторонние акты или документы ФРГ, и их текст не прилагается к грамоте. МИД СССР считает приемлемой ратификационную грамоту ФРГ в её новой редакции»²³.

Обмен ратификационными грамотами Московского договора и подписание заключительного протокола четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину прошли, как и планировалось, 3 июня 1972 г. Оба документа вступили, таким образом, в силу. Дорога к дальнейшему позитивному развитию советско-западногерманских отношений была открыта, что в конечном счёте сделало возможным и решение национальной проблемы немцев.

Как уже отмечалось выше, характер достигнутого при заключении Московского договора компромисса вызывал и вызывает различные толкования. Приведём и прокомментируем лишь два примера соответствующих высказываний: «С советской стороны не хотели соглашаться на фиксацию точки зрения Бонна относительно будущего немецкого единства. Эгон Бар и его сотрудник Занне предприняли шаги в том направлении, чтобы устранить эту проблему путём передачи Письма о немецком единстве в особом порядке. Ситуация разрешилась. 11 августа 1970 года Брандт прервал свой отдых в Норвегии и прилетел в Москву, где был принят с большими почестями. 12 августа 1970 г. он и советский премьер-министр Косыгин подписали в Екатерининском зале Кремля Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией. В это же время уполномоченный сотрудник западногерманского посольства передал Письмо о немецком единстве секретарю советского Министерства иностранных дел («оставил у вахтёра», как потом острили по этому поводу). Косыгин два года замалчивал факт наличия этого письма и

²³ АВП РФ. Ф. 0757. Оп. 17. П. 65. Д. 17. Лл. 127-136. Первое обращение А.А. Громыко в ЦК КПСС по данному поводу датировано 27 мая, последнее – 2 июня 1972 г.

заявил об этом уже на заседании Верховного совета в ходе процедуры ратификации (договора)» (Uschner 1991: 86-87).

И второе, более лаконичное: «Право немцев на восстановление их единства официально не фигурировало в договорных документах. Однако немецкая претензия на воссоединение достаточным образом фиксировалась в «Письме о германском единстве», которое Советский Союз формально принял к сведению в качестве побочной договорённости (*Nebenabsprache*)» (Creuzberger 2009: 113-114).

В обоих случаях имеют место некоторые неточности. Упомянутый документ действительно был передан в МИД СССР, естественно, не «вахтёру», но и не «секретарю», а в закрытом конверте сотруднице экспедиции, которая зарегистрировала его в числе обычной входящей корреспонденции. Пока не шла речь о ратификации Московского договора, не было никакой необходимости придавать гласности заявление правительства ФРГ, к которому советская сторона не имела никакого отношения. Когда же начался процесс ратификации, то текст письма, по настоятельной просьбе западногерманской стороны, был роздан депутатам, и они с ним ознакомились. Заметим, наконец, что с докладом о договоре выступил не А.Н. Косыгин, а А.А. Громыко. В опубликованном отчёте об обсуждении вопроса о ратификации договора с ФРГ на совместном заседании комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР было отмечено: министр «информировал затем о письме Министерства иностранных дел ФРГ, полученном советской стороной в день подписания договора — 12 августа 1970 г., в котором излагаются взгляды западногерманской стороны по вопросам самоопределения. Депутаты ознакомились с текстом письма»²⁴. Можно согласиться, что советская сторона действительно приняла к сведению данное Письмо, но именно как одностороннее выражение точки зрения правительства ФРГ, никоим образом не в виде двусторонней «побочной договорённости». Кстати, заметим, первый из цитируемых нами авторов ни о какой «договорённости» и не говорит! С другой стороны, весьма сомнителен его исходный тезис о том, что советская сторона выступала против того, чтобы ФРГ зафиксировала свою точку зрения по вопросу единства германской нации. Выше уже приводились высказывания А.А. Громыко, опровергающие этот тезис.

Из документа более позднего периода приведём высказывание, отражающее мнение рядового сотрудника МИДа по поводу одного из завершающих событий в процессе нормализации обстановки в центре Европы: «Ещё один из вопросов, который возникает при оценке последствий приёма ГДР и ФРГ в ООН, состоит в том, не увековечивает ли факт приёма этих государств в ООН раздел Германии на две самостоятельные части. Кстати, этот вывод всё чаще встречается на страницах буржуазной прессы. Однако, представляется, что приём двух германских государств в ООН нисколько не препятствует усилиям этих стран

²⁴ См.: В интересах мира и сотрудничества. *Известия*. Московский вечерний выпуск 12.04.1972. С. 3.

по объединению и воссоединению Германии на мирной демократической основе. И в будущем, если развитие отношений между ними пойдёт именно по этому пути, вопрос о представительстве единой Германии мог бы быть решён на основе уже имеющихся в практике ООН прецедентов (например, при образовании Объединённой Арабской Республики и др.)»²⁵.

Рисовать такую перспективу в обстановке 70-х и даже 80-х годов граничило с фантастикой и требовало, вероятно, определённой смелости. Тем не менее, характерно, что документ, содержащий столь «еретические» для своего времени мысли, был без комментария направлен руководством Представительства СССР в ООН в центральный аппарат МИД СССР. Очевидно, что в советском внешнеполитическом аппарате было достаточно сильно распространено мнение, что политика разрядки, воплощением которой стали «новая восточная политика» и «восточные договоры» ФРГ, отнюдь не исключала будущего объединения двух германских государств, а напротив, создавала базу для такого решения германского вопроса. История подтвердила правильность этой точки зрения.

Об авторе:

Алексей Митрофанович Филитов – д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета. 119334 Россия, Москва, Ленинский пр., 32 а.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: November 15, 2019

Accepted: December 10, 2019

Treaty of Moscow between USSR and Federal Republic of Germany and the «Letter of the German Unity»: from Conflict to Compromise

A.M. Filitov

DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-46-60

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

²⁵ См.: «Некоторые политические и юридические последствия приёма Германской Демократической Республики в члены Организации Объединённых Наций». *АВП РФ*. Ф. 0742. Оп. 18. П. 116. Д. 22. Лл. 68-74. Данную «краткую справку, подготовленную первым секретарём Представительства тов. Фёдоровым В.Н.», заместитель Постоянного представителя СССР при ООН В.С. Сафрончук направил заведующему Договорно-правовым Отделом МИД СССР О.Н. Хлестову 23 июля 1973 г.

Abstract: The article considers the course and results of the Soviet-West German negotiations that led to the conclusion of the Moscow Agreement of August 12, 1970, which became an important factor in defusing international tensions on the European continent. Special attention is paid to the problem of the genesis of the so-called "Letter on German unity", the adoption of which the Soviet side stubbornly insisted on the representatives of Germany. The article reveals the flexible tactics of the Soviet delegation, which was headed by the Minister of foreign Affairs of the USSR AA. Gromyko: taking into account, in particular, the position of the GDR, the diplomats opposed the inclusion in the text of the Agreement of any provisions relating to the unification of Germany, but left open the prospect of such unification in the future. Some realism and willingness to compromise showed and West German negotiators, among whom special credit belongs to the personal emissary of Chancellor Brandt E. Bahr. On the basis of these compromises, a common position of the parties on the conclusion and subsequent ratification of the Moscow Agreement was worked out. The article pays due attention to the "US factor" in Soviet-West German relations. Formally declaring a positive attitude to the "new Eastern policy" of Germany, in fact the American side tried to compromise it in every possible way and complicate the process of preparing the Moscow Agreement. There is also some inconsistency in the German diplomacy in departing from previous political dogmas, primarily from the claims to the sole representation of all Germans. The main conclusion of the article is that as a result of the complex and sometimes conflicting Soviet-West German negotiation process, its participants managed to overcome the real contradiction between the principle of inviolability of borders and the right to national self-determination. In the current international situation, when this contradiction is artificially aggravated by the supporters of confrontation, the experience gained in the development and coordination of the provisions of the Moscow Agreement is of actual practical importance. The work is written on the basis of previously not entered into scientific circulation of primary sources from the Archive of foreign policy of the Russian Federation, as well as published West German documents.

Key words: Moscow Agreement, Letter on German unity, Moscow Bar mission, A.A. Gromyko, V. Brandt, V. Scheel.

About the author:

Alexey M. Filitov – Doctor of History, Chief Research Associate, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Professor in Russian State University for Humanities (RGGU), 119334, Moscow, Russia, Leninski Prospect 32 a.

Conflict of Interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Creuzberger St. 2009. *Westintegration und Neue Ostpolitik. Die Aussenpolitik der Bonner Republik*. Berlin-Brandenburg. 192 S.

Dannenberg, J. von. 2008. *The Foundations of Ostpolitik. The Making of the Moscow Treaty between West Germany and the USSR*. Oxford. 320 p.

Lippert, W.D. 2011. *The Economic Diplomacy of Ostpolitik: Origins of NATO's Energy Dilemma*. New York/Oxford. 260 p.

Link W. 2001. Die Entstehung des Moskauer Vertrages im Lichte neuer Archivalien. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2. Hf. S. 295-315.

Fink, C., Schaefer B. (eds.) 2009. *Ostpolitik, 1969-1974. European and Global Responses*. Cambridge (Mass.). 289 p.

Niedhardt G. 2014. *Entspannung in Europa. Die Bundesrepublik Deutschland und der Warschauer Pakt 1966 bis 1975*. München. 131 S.

Uschner M. 1991. *Die Ostpolitik der SPD – Sieg und Niederlage einer Strategie*. Berlin. 232 S.

Faulenbach B., Filitov A. 2015. *Moskovskiy dogovor 1970 g. / Rossiya – Germaniya. Vekhi sovmestnoy istorii v kollektivnoy pamyati*. Pod red. A.O. Cubar'jana, H. Möllera, V.V. Ishchenko, H. Altrichtera [Moscow Treaty 1970 / Russia – Germany. Milestones of Shared History in Collective Memory]. Moscow. P. 293-304 (In Russian).

Filitov A.M. 2015. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX века [Triangle Moscow – Washington – Bonn in the late 60's - early 70's. 80 century]. *Voprosy istorii*. N.12. P. 98–113 (In Russian).

Filitov A.M. 2017. СССР и «новaya vostochnaya politika» FRG [The USSR and FRG's "New Ost-Politik"]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3(54). P. 123-140. (In Russian).

Maksimychiev I.F. 2014. *Rossia – Germaniia. Voina i mir. Ot mirovykh voyn k evropeiskoi bezopasnosti* [Russia – Germany. War and Peace. From World Wars to European Security]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. 512 p. (In Russian).

Pavlov N.V. 2006. *Istoriya sovremennoy Germanii* [History of Modern Germany]. Moscow. 512 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Максимычев И.Ф. 2014. Россия – Германия. Война и мир. От мировых войн к европейской безопасности. Москва.

Павлов Н.В. 2006. *История современной Германии*. Москва. 512 с.

Фауленбах Б., Филитов А. 2015. Московский договор 1970 г. *Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти*. Под ред. А.О. Чубарьяна, Х. Мёллера, В.В. Ищенко, Х. Альтрихтера. Москва. с. 293-304.

Филитов А. 2015. Треугольник Москва – Вашингтон – Бонн в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. *Вопросы истории*. № 12. С.98-113

Филитов А.М. 2017. СССР и «Новая восточная политика» ФРГ. *Вестник МГИМО-Университета*. 3(54). С. 123-140. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140

Филитов А.М. 2017. Треугольник Москва – Берлин – Бонн и политика европейской разрядки в 1969-1970 гг. *Вопросы истории*. №1. С. 83-96